

САФАРИ

за радостью

Ю. МАЛОВ

«САФАРИ» означает на языке суахили «путешествие», «поездка». В последнее время это слово довольно часто мелькает в нашей прессе. Советские кинозрители на V международном Московском кинофестивале познакомились с замечательным киноочерком о Танзании — «Сафари в прекрасное».

В этом очерке речь пойдет о сафари в один из национальных парков-заповедников Танзании.

Равнины Серенгети — те самые «зеленые холмы Африки», знакомые нам по Хемингуэю, — и примыкающий к ним кратер Нгоронгоро находятся в северо-западной части Танзании. Это одно из последних мест, оставшихся на африканском континенте, где несчетные стада диких животных еще кочуют по саванне, как когда-то паслись бизоны в американских прериях и зубры — в Центральной и Восточной Европе.

Нгоронгоро — уникальное произведение природы, один из самых больших кратеров мира. Там, где тысячи лет назад кипела лава, раскинулись сочные пастбища, огороженные отвесными стенами (700 метров в высоту) потухшего вулкана.

Нгоронгоро прекрасен вечером, когда эта гигантская чаша до краев заполняется серебряной в лунном свете дымкой, матово прикрывающей небольшое озеро, и на восходе солнца, первые лучи которого выталкивают из глубин кратера остатки предутреннего тумана, открывая перспективу.

Здесь, в Нгоронгоро, в зависимости от времени года «проживают» от 10 до 24 тысяч животных, представляющих практически все сохранившиеся до наших дней виды африканской фауны.

ВСТРЕЧИ В НГОРОНГОРО

Специально оборудованная машина с двумя ведущими осями, водитель — он же гид, 30 минут головокружительного спирального спуска на дно кратера, и вы попадаете в совершенно незнакомый для нашего поколения мир — царство диких зверей.

По ровному, плоскому дну кратера, насколько хватает глаз, разбросаны стада антилоп: крупные, дородные эланды; миниатюрно изящные антилопы Томпсона со «спартаковской» полосой, правда черного цвета, по крупу; бородатые корово-лошади — гну вперемежку с коренастыми упитанными зебрами.

Ваше вторжение в этот мир не производит заметного впечатления на его обитателей, привыкших к странным визитерам в автомашинах. В 20 метрах от вас продолжает идти своим чередом жизнь, законы и правила которой выкованы тысячелетиями.

Совсем маленький, недавно народившийся, светло-коричневый гну, широко расставив негнущиеся палки-ноги, упрямо тычется теплой мордой в пах

матери — пора кормиться. Та, застыв на месте, смотрит на приближающийся автомобиль. Она знает, что с этой стороны ей и ее сыну опасность не угрожает. Но бдительность все же терять нельзя...

Однако начну по порядку, по силе впечатлений, оставшихся от встреч в Нгоронгоро.

В ложбине у ручья нам посчастливилось стать свидетелями следующей сцены из жизни львиного семейства.

Прямо у воды, наполовину скрытая тенью нависшего куста, величественно, невозмутимо возлежала львица. А около нее, временами и по ней катался клубок из львино-щенячьих лап, голов и хвостов. Наконец клубок распался на составные части — четырех тяжело дышащих львят. Уставшие от возни, львята улеглись вокруг матери. Все, кроме одного, который никак не мог успокоиться и продолжал играть. На сей раз с маминым хвостом. Черная подрагивающаяся кисточка на длинном эластичном хвосте львицы стала его новой «добычей». Осторожно, по всем правилам взрослой львиной охоты, он начал подбираться к цели, прячась за спиной матери. Выйдя на «исходную позицию», львенок сгруппировался и, как, наверно, ему казалось, с быстротой молнии прыгнул на мамин хвост. Неуклюже обхватив его передними лапами, он впился зубами в черную кисточку.

Не знаю, больно было львице или нет от острых молочных зубов ее сына — вида она не подала, что на всякий случай перебросила свой хвост на другую сторону, подальше от проказника.

Несколько позже, когда этот львенок перебирался через передние лапы львицы, она, может быть, в поощрение его ранних охотничьих способностей, нежно прошлась по его спине жестким, как щетка, языком, отчего львенок присел на все четыре лапы.

В течение всего нашего пребывания у ручья папалев беззаботно спал крепким послеобеденным сном отца семейства, предусмотрительно расположившись метрах в двадцати от чад и домочадцев.

Рассмотреть как следует гиппопотамов нам, к сожалению, не удалось. Забравшись в полном смысле слова по самые ноздри в неглубокое озеро на дне кратера, они упрямо просидели там полчаса, вплоть до нашего отъезда.

Зато красавец водный козел, повстречавшийся неподалеку, повел себя как признанная, немного уставшая от внимания и преследования фоторепортеров знаменитость.

Гордо закинув голову, украшенную парой лирообразных рогов, поблескивая на солнце роскошной шубой, он, как бы по привычке, фиксируя каждый новый ракурс, позировал нам на фоне озера, дерева, в фас, в профиль и, закончив сеанс, не спеша, с чувством собственного достоинства, проследовал к своим поклонницам — трем водным козочкам, поджидающим его в стороне, у «служебного выхода».

Десять минут езды, и новая встреча: шеренга страусов, шествующих почти в ногу. В строю два самца, они более крупные, с темным оперением, и две самки — помельче, светлые, почти серые. Каждая самка, как это и положено, равняется по самцу.

Страусиный взвод нас близко к себе не подпустил. Ведущий всякий раз сворачивал в сторону при каждой нашей попытке подъехать поближе, но и с расстояния в 50 метров было отлично видно великолепное одеяние этих птиц — те самые перья, которые сыграли роковую роль в судьбе их соплеменников.

До тех пор пока страусовыми перьями украшались шлемы средневековых рыцарей, эти птицы находились в относительной безопасности. Однако когда в прошлом веке страусовые плюмажи вошли в моду у европейских модниц, для птиц наступили черные дни. Страусы были полностью истреблены в Персии, арабских странах Среднего Востока, в Северной Африке.

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

В начале нашего века, когда Танганьика еще находилась под «покровительством» германского кайзера, два предприимчивых немецких колониста — братья Сидентоф — решили превратить кратер Нгоронгоро в свою скотоводческую ферму. Прежде всего братья принялись изгонять из кратера всех диких животных. Не знаю точно, что им помешало: то ли недостаточно высокий в то время технический уровень средств принуждения и уничтожения, то ли начавшаяся первая мировая война, но, несмотря на оригинальность и размах их творческого замысла, превратить Нгоронгоро в ферму им не удалось.

В более поздний период, уже находясь «под мандатом», а затем «под опекой» английской короны, равнины Серенгети оказались излюбленным местом охоты как белых поселенцев английской Восточной Африки, так и любителей «пощекотать» нервы из многих стран мира.

Участники таких охотничьих сафари иногда бесмысленно убивали до 50 львов за поездку, конечно, с безопасного расстояния и из автомобиля.

Такие животные, как слоны, гиппопотамы, антилопы, зебры, рассматривались здесь белыми плантаторами просто как вредители сельского хозяйства. За хвост убитой зебры, например, владельцы плантаций выдавали денежное вознаграждение — один восточноафриканский шиллинг.

Все это вместе взятое привело к тому, что, когда в 1958 году энтузиаст и большой знаток африканской фауны директор Франкфуртского зоопарка Б. Гржимек вместе с сыном на свой страх и риск провел «перепись» оставшихся диких животных, находящихся по равнинам Серенгети, вместо предполагаемого миллиона их оказалось немногим больше 300 тысяч голов.

МАНИФЕСТ В ЗАЩИТУ ЖИВОТНЫХ

«Принимая на себя ответственность за сохранение животного мира, которым располагает Танганьика, мы торжественно заявляем, что сделаем все, что в наших силах, для того, чтобы дети наших правнуков имели возможность наслаждаться этим богатым и редким наследством». Такие слова прозвучали в 1961 году в официальном документе — Арушском манифесте, в котором первое национальное прави-

тельство независимой Танганьики в интересах народа определило свою политику по отношению к богатствам животного мира страны.

«Эти дикие звери, обитающие среди незаселенных равнин, являются не только неиссякаемым источником удивления и восторга, но и неотделимой частью наших естественных ресурсов, нашей будущей жизни и процветания», — подчеркивалось в Арушском манифесте.

Это заявление не осталось только на бумаге.

Прежде всего были четко и разумно определены и расширены территории пяти национальных заповедников страны: Маньяра, Микуми, Руаха, Серенгети и Аруша, где сохранившийся животный мир был взят под охрану и строгий контроль государства.

Для подготовки квалифицированных национальных кадров хранителей заповедников в городе Моши был открыт специальный колледж, который в настоящее время заслуженно пользуется мировой известностью. Это единственное учебное заведение такого рода в Африке, где наряду с танзанийцами обучаются представители многих других стран континента.

Последовательные и продуманные мероприятия правительства создали условия для ознакомления с редчайшими национальными заповедниками Танзании не только жителей Восточной Африки, но и посетителей из разных стран мира.

В 1967 году, например, в национальных заповедниках Танзании побывало около 50 тысяч иностранных туристов.

Не приходится говорить о том, что Танзания весьма заинтересована в увеличении притока туристов в страну. Ведь все национальные парки до настоящего времени находятся на дотации центрального правительства. В 1967 году расходы по содержанию этих парков исчислялись в два миллиона танзанийских шиллингов, а доходы, которые они принесли, — в 800 тысяч шиллингов.

Казалось бы, все способы должны быть хороши для привлечения в страну еще большей массы туристов. Так наверняка думала одна предприимчивая частная танзанийская компания, когда в середине 1968 года предложила свои услуги по сооружению отеля для туристов на дне кратера Нгоронгоро. Предложение, на первый взгляд, выглядело заманчиво. Посмотреть львов, не отрываясь от обеда, послушать крики гиен во время джазовых пауз — на такую экзотическую приманку, безусловно, клюнул бы не один состоятельный человек, ищущий необычных развлечений.

Однако правительство Танзании не соблазнилось заманчивым проектом, сулившим легкую и быструю выгоду. Ведь такое бесцеремонное вторжение бизнеса в этот удивительный уголок Африки неизбежно привело бы к разрушению сложившейся здесь жизни, а в конечном итоге, возможно, и к гибели Нгоронгоро как заповедника.

Почти одновременно с сообщением о запрете строить отель в Нгоронгоро было объявлено, что в стране полным ходом идут работы по созданию еще трех новых национальных парков: в предгорье Килиманджаро, в местечке Тарангай, около озера Маньяра, и в Нгомбе, у города Кигома.

Можно не сомневаться, что туристическое паломничество в национальные парки-заповедники Танзании будет расти из года в год. Десятки тысяч людей разных возрастов, профессий, с различных континентов с благодарностью увезут из этой страны радостные впечатления от незабываемых встреч с живой природой Африки.